

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ДОМ С ДУРНОЙ
РЕПУТАЦИЕЙ**

Черная кошка

Николай Леонов

Дом с дурной репутацией

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Леонов Н. И.

Дом с дурной репутацией / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2026 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-252575-9

Легендарный детективный тандем Леонов – Макеев. К полковнику МВД Льву Гурову обращается молодой человек Егор. Парень сообщает о внезапном исчезновении девушки, с которой он собирался познакомиться. И это тогда, когда СМИ пестрят сообщениями о появившемся маньяке. Егор подозревает соседа: тот часто уединяется в своем гараже, совершает странные покупки, живет замкнуто и ведет себя агрессивно с окружающими. Гуров проверяет необычного соседа, но ничего предосудительного не находит. Сыщик спешит успокоить Егора, но не застает молодого человека дома. Новое неожиданное происшествие заставляет полковника пересмотреть свое отношение к последним событиям... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг – полковник Лев Гуров, сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252575-9

© Леонов Н. И., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Дом с дурной репутацией	7
Глава 1	13
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Леонов, Алексей Макеев

Дом с дурной репутацией

Художественное оформление серии В. Щербакова.

Иллюстрация на переплете И. Варавина.

© Макеев А. В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Дом с дурной репутацией

– Помогите! – Крик был едва слышным, дребезжащим. Но полковник Лев Иванович Гуров мгновенно его узнал – это кричит слепой старик-сосед из квартиры на первом этаже. Он тут же, перепрыгивая через ступени, кинулся со своего пятого этажа вниз.

Четвертый этаж! Крик стал похож на плач:

– Помогите! Люди! Кто-нибудь!

Третий этаж! Внизу что-то загрохотало, и человек застонал от боли.

– Кто-нибудь! На помощь! Полиция!

Лев почти кубарем скатился по последнему пролету и наклонился над телом, вытянувшимся на ступеньках.

– Степан Николаевич, слышите меня? Вам плохо? Что болит? Давайте я «Скорую» вызову.

Одной рукой Гуров осторожно проверил пульс у старика, а другой уже вытаскивал из кармана телефон и набирал номер.

– Алло, «Скорая», срочно бригаду в Юбилейный проезд, четыре, мужчина, примерно восемьдесят лет. Нет, точный возраст я не знаю. Слепой, упал в подъезде. Третий подъезд, лежит на лестничной площадке на первом этаже. Да, да, в сознании... – Не убирая телефон от уха, он наклонился к старику: – Степан Николаевич, что у вас болит? Можете говорить? Сердце? Можете пошевелить руками? Ноги как, в порядке?

С седых волос на его начищенные туфли капнула свежая, алая кровь.

– Он ранен, голова разбита, есть кровотечение. Приезжайте быстрее! Хорошо, я жду!

Звонок прервался, и Лев снова наклонился к пострадавшему:

– Степан Николаевич, это Лев Гуров, ваш сосед. Слышите меня? Я с пятого этажа, из девяносто шестой квартиры.

Пожилой мужчина протянул руку, его пальцы коснулись лица Гурова:

– Лев, не надо «Скорую». Мне нельзя в больницу. Я сейчас, я встану. Только помогите мне подняться. Как хорошо, что вы шли мимо, мне ведь надо в полицию, я хотел дойти до отделения. Вы можете помочь? Оно недалеко, я бы сам, только вот незадача – упал. Это срочно! А я случайно выронил телефон и никак не мог его найти. А он мне нужен, очень! Вдруг Егорка позвонит, может, все-таки он просто где-то задержался...

– Давайте-ка попробуем сесть. А потом, если получится, вы все мне расскажете. Я помогу. Не переживайте – никуда не уйду, буду рядом, пока проблема не решится, – сказал Гуров, подсовывая руку под спину старика.

Старик, не мигая, смотрел на него голубыми, прозрачными глазами. Он был слеп давно, уже больше тридцати лет, и привык внимательно вслушиваться в каждое слово или звук, чтобы понять – что же происходит вокруг. И голос, который он слышал, его успокаивал. Он помнил его, вот уже полгода как слышал регулярно в подъезде, несколько раз разговаривал с ним у подъезда, по-соседски. Это Лев Иванович Гуров, работает в МВД, оперуполномоченный, ловит преступников. Муж очаровательной Марии, воздушной актрисы, от которой всегда пахнет нежными и одновременно яркими духами. Она всегда разная и всегда чудесная. Когда проходит мимо него, стоящего на крыльце во время своей ежедневной прогулки, и говорит: «Здравствуйте, Степан Николаевич. Рада вас видеть. Как ваше здоровье?» – его всегда обдает волной смущения и восторга. Будто ему опять восемнадцать и он идет на свое первое настоящее свидание с девушкой.

А голос ее мужа был совсем другим: негромким, но заполнявшим собой все пространство вокруг. Казалось, в него можно было упереться, как упираются в крепкое, надежное дерево в шторм. В вежливом «здравствуйте» соседа слышалась не просто формальная вежливость,

а глубокое уважение. Так разговаривает человек, который хорошо относится к собеседнику, даже не зная о нем ничего, потому что он уверен в том, что это хороший человек.

Старик, не мигая, смотрел в пустоту своими прозрачными глазами. Он давно уже видел мир только через звуки: по торопливой дрожи в голосе узнавал ложь, по высоким нотам – страх.

От уверенного, спокойного голоса соседа ему стало теплее, жизнь вдруг потихоньку начала возвращаться в непослушное, деревянное тело. Степан Николаевич смог, покачиваясь, сесть на ступеньках и махнул широкой ладонью на открытую дверь квартиры.

– Лев Иванович, отменяйте «Скорую». Не до болячек мне сейчас, беда у меня.

– Но у вас голова разбита, вы упали, – попытался возразить полковник.

Но старик уже пытался встать, его длинные, костистые пальцы вцепились в перила.

– Нет, послушайте, мне сейчас не до этого! Все ужасно, надо срочно идти в полицию, в наше районное отделение. Пропал Егор, мой внук. Надо немедленно организовать его поиски.

Гуров замер, так вот куда спешил пожилой сосед – на поиски внука. Он подал Степану Николаевичу руку и предложил:

– Давайте я помогу вам дойти до квартиры, а вы расскажете, что произошло и при каких обстоятельствах Егор пропал. Вы помните, я говорил вам, что работаю в полиции? Думаю, смогу объяснить сотрудникам по телефону, чтобы вашего внука начали искать прямо сейчас, и вам не придется самому добираться до отделения – дежурные оперативники придут к вам сами. В любом случае нужна фотография мальчика, описание его одежды, его маршрут, список друзей, родственников. В любом случае вам лучше оставаться дома, вдруг мальчик все-таки объявится. Идемте, я помогу организовать поиски. Но сначала расскажите, когда и во сколько он ушел.

– Да, понимаю, нужны факты. Вы ведь полицейский, кажется, сотрудник уголовного розыска, разбираетесь в таких вещах, – согласно кивнул сосед.

Лицо его вдруг вытянулось, а уши чутко уловили едва слышный звук:

– Слышите? Звонит телефон! Так и знал, выронил этот аппарат в коридоре. Лев, его надо найти, идемте скорее! Вдруг это звонит Егор? Я, старый дурак, кинулся в полицию, выронил свой мобильник в коридоре, а найти без звука не смог. Только бы он не переставал звонить!

Старик изо всех сил торопился к двери, хотя каждый шаг давался ему с трудом. Шажки выходили мелкие, а рука беспомощно хватала воздух.

Звук звонка стих. Степан Николаевич охнул, оступился и чуть снова не завалился на бок, потеряв равновесие.

– Не звонит, все! Егорка! Это он, я чувствую.

Лев обхватил грузное тело, довел наконец старика до распахнутой двери и сказал:

– Заходите, прошу. Я сейчас найду телефон. Назовите ваш номер, я сделаю звонок, и мы найдем аппарат по звуку. Может быть, он куда-то завалился. Сейчас найдем, и вы сможете перезвонить внуку.

Простенький черный мобильник быстро нашелся под обувной тумбочкой, он забился в щель между полкой и полом. Льву пришлось даже поднять тяжелую мебель, чтобы добраться до гаджета. Он нажал на кнопку блокировки, и на экране высветилась надпись: «Два непринятых звонка». Нажал на вызов, и динамик сразу же ожил:

– Дед, это я. Задержался после поликлиники. Гулял, а потом в магазин зашел. Ветер на улице, не слышал, что ты звонишь. Я уже почти дома. Ты меня потерял, да?

– Егор, это ваш сосед, Лев Гуров. Немедленно иди домой, да, дедушка тебя потерял. Хотел пойти в отделение полиции, но упал в подъезде. Ждем «Скорую», так что поторопивайся.

Мальчишеский голос вскрикнул на том конце:

– Я сейчас, уже бегу! Он... с ним... все в порядке? Ему плохо? Что с ним?

– Ничего страшного, ушиб. Но ты срочно нужен здесь. – Лев с трудом сдерживал раздражение. Ну и мальчишка, даже не подумал предупредить деда, а тот места себе не находит.

Чуткий слух Степана Николаевича уловил каждое слово. Он протянул руку к телефону:

– Прошу, не ругайте мальчика. Он просто увлекся немного, а я уже и накрутил себя. – Старик перехватил телефон и выкрикнул в трубку: – Егорка, не торопись, иди спокойно. Со мной все в порядке. Прошу тебя, будь осторожен. Ты нашелся, а это главное! Все хорошо!

Мальчик ответил коротко:

– Ладно, я скоро буду. Дед, я уже почти дома! – И отключился.

Крепкие пальцы с пергаментной кожей потянулись к Гурову. Степан Николаевич осторожно нащупал рукав куртки своего спасителя и сказал:

– Лев, простите меня, поднял шум, вас побеспокоил. – В голосе его больше не звенела тревога, он стал теплым и мягким. – Егор нашелся, и теперь все хорошо. Вы уж не будьте с ним строги, он же на костылях. Понимаете, его родители специально ко мне поселили на время реабилитации. У нас хорошая поликлиника в районе, врачи отличные, и идти недалеко. А внук сломал ногу, сложный перелом, необходимо много процедур – физио, растяжка, массаж. Там, где он с родителями живет, до поликлиники ехать почти час, да еще с пересадкой. Водить его некому, а сам он точно не доберется. Вот и решили, что пока он у меня поживет. А я ведь отвык совсем, как это – с детьми жить. Особенно когда им шестнадцать и они считают себя уже взрослыми. Вот и переживаю, старый дурак. Забыл уже, какие они, мальчишки, бывают. Может, засмотрелся на что-то или в магазин захотел зайти за вкусеньким. Простите меня, оторвал вас от дел. Вы, наверное, на работу бежали? – Пожилой сосед засуетился и полез в карман куртки. – Давайте я вам такси вызову. Такой хороший водитель, мигом вас домчит. Неудобно так вышло.

– Что вы, Степан Николаевич, не переживайте, – перехватил его руку Лев. – Хорошо, что все обошлось, я только рад, что ваш внук нашелся. Поверьте, мне как полицейскому никакие хлопоты не в тягость, главное всегда, что ничего страшного не случилось. Вы не стесняйтесь, в таких делах лучше переусердствовать, чем тянуть.

– О, это теперь уже не ребенок, а почти мужчина, – просиял Степан Николаевич. Ему шестнадцать, а ростом с меня, ботинки сорокового размера, и щетина уже есть.

У старика вдруг выступили слезы, и он прижал руки к груди:

– Совсем я старый стал, расклеился. Раньше ведь без телефонов жили, и ничего, не боялись. А я тут парня шестнадцатилетнего потерял... Ох, он расстроится, что я тут навел переполоху. Просто Егорка утром ходит в поликлинику и всегда возвращался к десяти. А тут опоздал на пару часов, а я что-то так перепугался. Позвонил ему несколько раз и кинулся в полицию бежать. Да сам же и свалился, разволновался сильно, давление скакнуло. Еще и телефон, как назло, потерял. Ох, одни проблемы от меня, а толку никакого. Вот что значит старость, когда ты уже не помощь, а обуза.

Гуров взял его широкую ладонь и крепко сжал:

– Что вы, не говорите так. Вы правильно сделали, что решили обратиться в районный отдел. При пропаже людей первые сорок восемь часов крайне важны, лучше не тянуть. Просто вам трудно... – Он вдруг сбился, не зная, как закончить предложение.

Но старик закивал головой:

– Знаю я, слепой, инвалид, калека, что уж там. Только ведь я в районе у себя каждую тропку знаю. Знаете, Лев, я сам себя обслуживаю. Готовлю, стираю, хожу в магазин. А тут... растерялся... – Голос у пожилого мужчины задрожал, он изо всех сил старался держаться и не показывать свою слабость: – Лев Иванович, прошу вас, идите, не задерживайтесь. Я открою врачу сам.

– Степан Николаевич, вы успокойтесь. Все ведь хорошо, Егор нашелся, сейчас приедет врач и осмотрит вас. А я лишь немного опоздал. Поверьте, начальство не будет ругать меня

за то, что я вам помог. Тем более вы упали, и лучше, чтобы кто-нибудь был рядом, пока не придет врач.

Лев с трудом сдержал вздох. Не надо Степану Николаевичу знать о куче непринятых вызовов в его телефоне, его действительно потеряли в отделе: неслыханное дело, оперуполномоченный по особо важным уголовным делам, опытный сотрудник убойного отдела, полковник Гуров не явился на ежемесячное совещание без всякого предупреждения и не отвечает на звонки! Конечно, коллеги всполошились, но он потом объяснит причину задержки – и сотрудникам, и начальнику, генералу Орлову, а сейчас не будет смущать несчастного слепого старика, который и без того расстроен собственным бессилием.

У двери зазвенел домофон, Лев не успел нажать на кнопку, как уже застучали тяжелые шаги – бригада «Скорой помощи» поднималась к квартире.

Появление врачей внесло некоторую суету: они под руки отвели старика в комнату и принялись измерять ему давление, обрабатывать рану и задавать вопросы о случившемся.

Сразу за врачами в открытую дверь боком протиснулся вихрастый паренек. Он ловко управлялся с костылями, осторожно переставляя ногу в гипсовой повязке. При виде соседа с верхнего этажа Егор смущенно протянул:

– Здравствуйте. Спасибо, что дедушке помогли. Я просто... в поликлинике задержался.

Лев по профессиональной привычке мельком рассмотрел подростка. И правда перед ним стоял практически молодой мужчина. Все еще несурзанный, как подросток, со слишком длинными руками и ногами, слишком крупным лицом для худого тела, но уже широкоплечий, почти одного роста с полковником, с первыми кустиками щетины на все еще по-детски округлых щеках.

Егор под его внимательным взглядом смутился еще больше, голос его, басовитый и резкий, стал высоким и срывающимся от волнения:

– С дедушкой все в порядке? Он сильно ударился?

Лев вышел из задумчивости:

– Врачи сейчас скажут точнее, но, думаю, ничего страшного. Хотя ему пока лучше поменьше волноваться и не двигаться. Ты сможешь за ним поухаживать пару дней?

– Конечно, я же пока живу у деда, – кивнул Егор. – Еще месяц – точно. В поликлинике обещали завтра снять гипс, можно будет уже начинать ходить с палкой. Но процедур еще много для восстановления. Я все равно на дистанционном обучении в школе, так что почти весь день дома. Только в поликлинику хожу по утрам и с дедом в магазин.

Парнишка выглядел таким растерянным и виноватым, что Гурову стало его жалко. Ну, задержался немного, а тут уже столько претензий к нему.

Он положил руку на его плечо:

– Не переживай, просто Степан Николаевич телефон неудачно уронил и никак не мог его найти. Сейчас врачи дедушке помогут, скажут, какое лекарство понадобится. Может быть, ненадолго положат в больницу. Позвони родителям, предупреди.

Егор насупился:

– Отец в командировке, а маму не хочу беспокоить. Она ждет ребенка, ее положили в больницу на сохранение. Ей вообще волноваться нельзя, так что лучше я сам разберусь, если что. И в аптеку схожу, если скажут. Вы не сомневайтесь, я не глупый и не безответственный, деда не брошу. Просто сегодня... так получилось...

В кармане полковника снова завибрировал телефон, и он заторопился. Сунул в руку парнишке свою рабочую визитку и сказал:

– Верю. Но вот что, мне пора идти. Давай вечером заскочу и проведаю вас. Если нужны продукты, лекарства, позвони. Я куплю, что нужно по дороге, если не срочно. Ну, или если срочное что-то, тоже звони, постараюсь помочь. Все-таки мы соседи, должны помогать друг другу.

– С-с-спасибо, – пробормотал Егор.

Лев заглянул в комнату, где врачи занимались слепым стариком:

– Ну как, какой диагноз?

Молодая девушка с серьезным лицом, которая заполняла бумаги, покачала головой:

– Несколько ушибов мягких тканей и рана на голове. В таком возрасте лучше перестраховаться и побыть под наблюдением врачей в стационаре. А ваш дедушка упрямится, не хочет ехать. Вы объясните ему, что так будет лучше.

– Да верно вы все говорите, доктор, – бодрым голосом отозвался с дивана Степан Николаевич. – Только ведь дома и стены помогают, тем более что в больнице мне будет трудно, я там не знаю ничего. Буду все ронять, спотыкаться, ударяться. С тремя ушибами приехал, десять заработаю. А здесь-то, в своей квартире, я забываю, что не вижу ничегошеньки. Да и зачем место занимать, есть же и куда серьезнее болячки. А у меня так, пара шишек. До свадьбы Егоркиной заживет.

Молодая врач покрутила головой и положила заполненный лист на стол:

– Ну, тогда хоть все предписания врача соблюдайте. Покой обязательно, не вставать, не волноваться, без резких движений. Если голова начнет кружиться или затошнит, сразу в больницу.

Старик кивал в такт ее словам:

– Все сделаем, не волнуйтесь! У меня внук уже взрослый, он и готовить умеет, и рану обработает. Сообразительный парень, с головой.

Лев выдохнул с облегчением: ну все, здесь он больше не нужен; в этой квартире снова мир и покой.

В подъезде он наконец ответил на бесконечные звонки. В трубке взволнованно тотчас же закричал Стас. Его верный многолетний напарник по оперативной работе, сосед по кабинету и приятель, тоже полковник уголовного розыска. Только на этом их сходство заканчивалось: Станислав Крячко отличался взрывным, эмоциональным характером, слыл в отделе балагуром и душой компании, любил общаться, редко ему удавалось удержать свой язык, быстрый на острые шутки.

Но сейчас голос у напарника был серьезным, без привычных задиристых или насмешливых ноток:

– Лев, ты в порядке? Помощь нужна?

В этом был секрет их дружбы. Никаких лишних вопросов, осуждения или претензий. Только крепкое плечо и поддержка в любое время суток.

– Все в порядке, – успокоил его Гуров. – Случайно в подъезде столкнулся с соседом, ему помощь была нужна. «Скорую» вызывал, сейчас уже все закончилось.

– Уф, а я уже думал, что-то случилось. Мир рухнул, полковник Гуров пропустил совещание без предупреждения, – с облегчением выдохнул Стас.

– Не рухнул, все на месте. Ну, может быть, немного покачнулся.

– Начальство очень интересовалось, где ты. Но я сказал, что лучший опер отдела по наводке поехал на срочную встречу. Прикрыл твою широкую спину. Так что не проколись, для Орлова ты по делу ломбардов ездил.

– Спасибо. Что там было на совещании? Опять маньяк?

– Опять, – вздохнул напарник. – Пока следствие в районном подведомстве, но не сегодня завтра его передадут нам. Пока возня какая-то, местные вцепились в дело и не хотят его отдавать, героями желают стать. Или боятся признаться, что ничего у них не получается.

– Пускай не отдают, – отрезал Лев. – Нам чужая работа не нужна. Главное, чтобы гарантировали, что женщины больше не будут пропадать. Полную безопасность в районе они обещают? Обещали? Уже больше пяти жертв в СМИ обсуждают, какие тут могут быть игры в «ваше-наше». Это жизни людей, а не бумажки или красивые цифры в отчетах.

Он с раздражением хлопнул дверцей машины и завел двигатель. Стас молчал, не прерывая гневную тираду напарника. Он понимал, что Лев злится не просто так. В одном из районов города исчезновения женщин превратились в пугающую серию с похожими обстоятельствами картины преступления. Разом в вечернее время пропали три женщины, их обезображенные тела были найдены в озере рядом с районом новостроек, где все трое и проживали. Потом журналисты принялись находить все новые факты исчезновения женщин из этого района и заговорили о маньяке, который действует на определенной территории. Каждый день СМИ подогревали волнение новыми деталями, подробно смакуя новый эпизод.

И полковник Гуров злился на слабые результаты тех, кто занимался поиском преступников и несчастных жертв. Правда, не только как опер по тяжким делам, а еще как муж. Ведь все преступления были совершены в районе, куда он переехал полгода назад, решив купить квартиру просторнее, потому что жил не один, а с женой Марией – красивой актрисой, которая частенько возвращалась поздно с вечерних спектаклей. Если Лев не имел возможности забирать ее, от театра до дома она добиралась часто на такси. Но опытный опер знал, что ни близость дома, ни замки на дверях, ни даже муж, сотрудник полиции, не гарантируют безопасности.

Конечно, после того как начались постоянные публикации в СМИ, а на планерках коллеги то и дело обсуждали новые подробности и тщетные попытки найти преступника, он старался лично забирать и отвозить Марию в театр. И все же жена часто жалела его и не будила, убегая на репетицию или возвращаясь уже поздно ночью со спектакля. Гуров понимал: пока не раскрыты эти преступления, его жена, как и все женщины в районе, в опасности. Любое невинное действие – поход в магазин, дорога в садик за ребенком или даже короткий вечерний короткий маршрут с пакетом мусора в руках – может иметь трагические, страшные последствия.

А он, сотрудник оперативного розыска, известный сыщик, который специализируется на сложных, запутанных делах, не может защитить жену, помочь остальным женщинам из-за какой-то бюрократической войны между ведомственными отделами...

– Ладно, в отделе увидимся, – тяжело вздохнул Лев. – Расскажешь подробнее, что по маньяку уже известно. – И отключил вызов.

Он нажал на газ и в тот момент, когда машина проезжала вдоль дома, вдруг встретился взглядом с Егором. Подросток стоял у окна квартиры на первом этаже и наблюдал за ним.

«Надо вечером обязательно зайти к ним. Проверить все-таки, что там у них творится. Что-то темнит этот внучок», – мелькнула мысль в голове Гурова и тотчас же исчезла. Впереди его ждал длинный и суматошный день.

Глава 1

Весь день оперуполномоченного отдела уголовного розыска Главного управления МВД Льва Ивановича Гурова прошел в суматохе. Рутинная работа сотрудника уголовного розыска – допросы, экспертизы, работа со свидетелями, совещания оперативной группы, планерка у начальника, генерала Орлова.

Вечером он отвез жену в театр, вернулся снова в отдел, делал отчеты. Затем снова поехал в театр, пора было забирать жену, спектакль вот-вот закончится.

Лев долго ждал в гримерке, пока отзвучат аплодисменты и актеры получают благодарность зрителей в виде оваций, даже успел немного подремать до окончания спектакля. Очнувшись от тихого смеха и щекотки на лице. Мария, все еще в сценическом костюме средневековой дамы, водила ему по лицу бутоном цветка из букета, который подарили зрители:

– Лев, ты мой верный телохранитель. Не переживай, театр и актеры на месте, никаких происшествий. Но пора просыпаться, ехать домой, хватит заботиться о нашей безопасности.

Гуров потряс головой, избавляясь от сонной дремы, и виновато отреагировал на подшучивание жены:

– Ох, прости! Хотел пойти в зал, посмотреть как культурный человек спектакль и сам не понял, как задремал.

Мария уже вешала костюм на вешалку и надевала обычную одежду.

– Это неудивительно, Лева, ты работаешь допоздна каждый день. На износ, конечно, потом будут последствия.

– Это не работа, это призвание, – примирительно развел руками Гуров.

Мария спорить с ним не стала. За десять лет брака с ним она уже привыкла к тому, что ее муж буквально одержим своей работой. Если вдруг ему попадалось тяжелое, сложное расследование, он забывал обо всем на свете. Все мысли занимали только логические цепочки, поиски преступника и доказательств его вины. Он рано уходил, поздно возвращался и даже дома просиживал долгими часами над своим ежедневником, а иногда пропадал сутками, собирая улики.

Первые годы после того, как она вышла замуж за тогда еще начинающего сотрудника уголовного розыска, Мария ругалась с мужем из-за его увлеченности своей профессией. Но потом поняла – это его страсть и важная часть жизни, так же как для нее театр, и приняла особенности характера Льва.

В конце концов, они не самая обычная семья. Она актриса, которая утром спит после позднего выступления вместо того, чтобы готовить мужу горячий завтрак, и возвращается чаще всего далеко за полночь, все выходные и праздники тоже проводит в театре. Не каждый мужчина согласится на такой образ жизни, но от Льва она ни разу не слышала ни одного упрека, даже спустя много лет семейной жизни видела по-прежнему в его взгляде только восхищение и любовь.

По дороге домой Мария рассказывала мужу о том, что происходит за кулисами театра, забавно изображала некоторых персонажей, в точности копируя интонации. Лев улыбался и про себя изумлялся, до чего же похоже получается, какой у его жены дар лицедейства. Не зря все-таки ей дают главные роли во многих спектаклях. Да и ее знание актерских хитростей и приемов не раз ему пригождалось в его работе. Иногда приходилось изобразить рубаху-парня или скрыть свои настоящие эмоции, чтобы запутать преступника во время допросов.

У подъезда полковник при виде темных окон на кухне нахмурился: совсем забыл о соседе! Закрутился в делах и не зашел к старику, а сейчас уже слишком поздний час для визитов вежливости.

А внутри вдруг что-то напряглось. Необъяснимое ощущение, которое появлялось иногда. В районе солнечного сплетения натягивалась и начинала вибрировать будто невидимая струна. И это означало, что рядом что-то не так, близко какая-то опасность. Ощущал он это на уровне интуиции или благодаря большому опыту оперативного работника так реагировал на мелкие признаки кризисной ситуации, Лев и сам не знал. Но напряжение, которое было разлито в воздухе невидимой дымкой, ощутил мгновенно.

Себя он ничем не выдал, не хотелось пугать Марию. Ее он всегда оберегал от своих будней, связанных с убийствами, ограблениями, насилием.

Вот и на этот раз Лев спокойно проводил жену до квартиры, а потом предупредил:

– Машину поставлю подальше, парковка забита. Не жди, ложись. Хочу в салоне немного убраться. Выспался в примерке, надо размяться немного на свежем воздухе, иначе буду полночи мучиться.

Мария лишь согласно кивнула. Они часто, возвращаясь домой поздно, сталкивались с забитым донельзя пятачком для машин, и Льву приходилось доезжать до парковки возле магазина через пару домов. К тому же после напряжения во время спектакля она едва стояла на ногах от усталости. А Лев был «ночной птицей», и часто она находила следы его деятельности в квартире по утрам.

Правда, сейчас он, вернувшись на водительское сиденье, проехал мимо дальней парковки, где было пустое место, и сделал круг вокруг притихших домов.

Что он искал, сам точно не знал. Внутреннее чутье вело его от домов с желтыми квадратами окон.

Лев сделал пару кругов по кварталу, вглядываясь в полумрак за стеклом. На темных улицах уже никого не было. Всех прохожих и любителей ночных прогулок разогнала непогода. Пронзительный ветер и стылый осенний холод загнали людей в теплые квартиры, и сейчас вся жизнь сосредоточилась за ярко освещенными окнами. Здесь же лишь деревья шевелили голыми ветками, пожухлая листва перекатывалась по асфальту, а фонари перекликались своим светом с собственным отражением в лужах.

Он выключил фары и направил машину вдоль небольшого павильона. Все магазинчики уже закрылись, и машина незаметно прокралась по тыльной части строения, затем остановилась на самом темном кусочке асфальтового пятка. Гуров выключил двигатель, посидел несколько минут, прислушиваясь к звукам снаружи и собственным ощущениям. Почему у него внутри дрожит тревожный пульс? Вокруг ведь никого... Может, Мария права и это все от усталости? Нервы шалют, надо просто выйти из машины, дойти до своего подъезда и наконец лечь спать. Сон лечит от любых тревог, завтра утром он забудет о том, как кружил по притихшему району в поисках невидимой опасности.

Лев уже хотел выйти из машины, как вдруг где-то вдалеке услышал странный звук – шаги и одновременно глухое постукивание. Он замер на своем кресле, невидимый за темными стеклами автомобиля.

Звук становился все ближе и ближе, и вот наконец под фонарем мелькнула высокая, худощавая фигура. Тяжело опираясь на палку, наклонив голову, чтобы спрятаться от ветра, по темной дорожке прошел знакомый силуэт. Егор Рыков! Что подросток делает на улице в такой поздний час? Он должен уже давно быть дома, делать уроки и готовиться ко сну. Неужели что-то случилось? Может, понадобилось лекарство для деда и мальчишке пришлось идти в круглосуточную аптеку?

Лев хотел уже окликнуть Егора, спросить, как чувствует себя дедушка, как вдруг тот неловко качнулся при очередном шаге и выронил увесистый предмет из-под куртки. С громким стуком на асфальт упал черный большой бинокль... Егор с трудом наклонился, поднял прибор и захромал дальше.

Лев проводил его удивленным взглядом. Вряд ли Егор ходил в аптеку за лекарством, бинокль для этого не нужен. Странное поведение и странный предмет. Нет, парень явно что-то скрывает. Нехорошо, когда подросток бродит по ночам без присмотра взрослых. Нет, не стоит оставлять это без внимания. Хотя бы даже по-соседски надо завтра зайти в квартиру на первом этаже к Рыковым и поговорить с парнем, чтобы выведать его тайну. И от этой мысли напряжение внутри вдруг исчезло – источник был найден, можно идти домой, отдыхать. А завтра разобраться со всем этим...

Но на следующий день Егор снова продолжил удивлять Гурова.

Лев встал на полчаса раньше обычного времени, чтобы успеть зайти к соседу. Спросит о здоровье, предложит помощь, а потом отзовет подростка в сторону и задаст неудобные вопросы. Мягко, без давления, но все-таки нужно узнать, что парень делал вчера ночью на улице с биноклем на шее.

Однако, когда он отдернул занавеску на кухонном окне, его ждала неожиданность. Он сварил себе кофе, пожарил яичницу, неспешно расправился с утренней трапезой. И все это время с недоумением наблюдал за подростком, который, будто в засаде, притаился у кустов на детской площадке. По рассказам деда, Егор Рыков в это время каждое утро проводил в поликлинике на процедурах.

Но не сегодня. Сейчас парнишка вот уже больше часа дрожал под порывами холодного ветра. Время от времени он поправлял воротник куртки, косился на подъезд и нервно проверял что-то в телефоне. После продолжал тяжело топтаться на месте, опираясь на толстую трость с крепким набалдашником.

Лев уже помыл посуду, оделся и собрался выходить. Еще один взгляд в окно подтвердил, что Егор все еще там. Значит, им удастся сейчас обсудить с глазу на глаз, что он делал вчера на улице так поздно, зачем ему бинокль и знает ли бабушка о том, чем занимается внук вместо процедур в поликлинике. Пускай причина будет банальной – подростковый бунт или какие-то бытовые причины, но уж лучше так, чем реальная опасность. Поговорят спокойно, и тогда, может быть, утихнет внутри вибрация от натянутой невидимой струны.

Стоило ему выйти из подъезда, как Егор торопливо неловкими шагами направился к нему:

– Здравствуйте, я Егор Рыков. Помните меня? Из второй квартиры, внук Степана Рыкова, вы вчера вызвали ему «Скорую помощь».

Паренек бросил встревоженный взгляд на окно дедовской квартиры, и Лев понял, что Степан Николаевич не в курсе, где сейчас его внук. Хотя слепец не мог увидеть их встречу, все равно Егор нервничал, находясь слишком близко от дома. Значит, что-то все-таки серьезное стряслось у парнишки, раз он пропустил обязательное лечение и несколько часов упорно ждет на ветру оперуполномоченного. Не зря Гуров был встревожен.

Чтобы не напугать парня, он просто предложил:

– Идем в машину, там теплее. Ты совсем замерз.

Пока они медленно шли к парковке, он ничего не спрашивал. Пускай Егор успокоится и поймет, что его никто не будет ругать. Ему тогда будет проще настроиться и задать вопрос, который его явно мучает.

Конечно, Лев не был школьным психологом, да и своих детей у них с Марией не было, но он так давно работал в полиции и столько раз видел людей в ситуации стресса, что сразу определил, в каком парень состоянии. Нервничает, хочет поговорить, но никак не решится. И навряд ли это двойка по географии. Значит, дело серьезное.

За пару шагов до автомобиля Егор нервно спросил:

– Вы же из полиции, да? Я прочитал на визитке, что вы оперуполномоченный отдела тяжких преступлений.

Гуров кивнул и открыл дверь машины с пассажирской стороны.

– Садись, давай помогу.

Несколько секунд понадобилось парню, чтобы забраться внутрь и пристроить больную ногу. Он долго крутил палку, не зная, куда ее поставить. Лишь затихнув в кресле, все-таки решился:

– Я хотел задать один вопрос. Только вы не говорите дедушке, он... не знает ничего, да и я сам тоже знаю не много. Ну, в общем, если человек пропал, как полиция начнет его искать? Нужно писать для этого заявление?

– Да, в ближайшем отделении полиции можно написать заявление, – кивнул Лев.

– Через три дня после пропажи? Я читал в интернете. – Подросток говорил медленно, подбирая слова.

– Можно сразу, если ты уверен, что человек действительно пропал и ему нужна помощь. Заявление может подать любой человек, не обязательно родственник. Нужно будет предоставить в полицию все важные сведения: фото, документы, описание одежды, другие важные подробности о дне исчезновения. Куда ходил и с кем, что могло произойти, к кому мог пойти в гости. Знаешь, часто дети не придают значения времени. Увлекаются общением или игрой, а родители их ищут. Но все заканчивается благополучно, просто надо держать взрослых в курсе.

Лев отвечал и одновременно пытался понять, почему у парня такой интерес. Из-за вчерашнего эпизода? Но ведь все уладилось, Егор вернулся к дедушке.

Он задумал пропасть снова? Такое бывает у ребят: они чувствуют себя чужими в своих семьях и протестуют против всего мира, когда пытаются пуститься в бега.

Вот только помогать ему бежать Лев точно не собирается. Надо как-то подобрать слова и отговорить соседа от такого шага.

Пока Егор молчал, осмысливая его слова, Гуров осторожно уточнил:

– Расскажешь, что случилось? Зачем тебе знать, как ищут людей?

Он постарался разговаривать мягко. Никогда не работал с подростками, но все же догадывался, что они никому не доверяют.

Егор вдруг пошел красными пятнами и хрипло пробормотал:

– Ну, я... Меня друг попросил. Он хотел узнать кое-что насчет поисков, так, глупости, в фильме каком-то увидел. А я на визитке прочитал, что вы из полиции, и решил спросить.

Лев не стал долго тянуть:

– Я видел тебя вчера почти ночью на улице. Ты шел домой откуда-то. И не говори, что ходил в аптеку за лекарством. Ты шел с биноклем.

Вопрос он умышленно задавать не стал. Давно использовал этот трюк на допросах. Сообщить неожиданную информацию, а потом ждать, как последственныйотреагирует.

Пускай паренек сам додумывает, чего он хочет добиться от него этой фразой и что еще знает о его вчерашней вылазке.

Старый прием, как обычно, сработал. Егор так и застыл с перекошенным от страха лицом.

– Расскажи мне, что случилось, я помогу, – смягчил тон Лев. – Обещаю, ничего не буду рассказывать дедушке. Если нужно, свяжусь с твоим отцом. Понимаю, сейчас в семье трудная ситуация, и ты хочешь решить все проблемы сам. Только когда речь идет об исчезновении, об опасности, даже у взрослых людей не хватает сил и опыта разобраться со всеми проблемами. Я сейчас и как полицейский говорю, и как твой сосед. Я знаю, что все делают ошибки, и готов помочь. По-мужски, по-взрослому разобраться с проблемой. И еще знаю, что лучше не откладывать их исправление. Что у тебя случилось?

Егор сглотнул, ком в горле не исчез, но сдвинулся с места, пропуская в легкие короткий, свистящий вздох. Он потупил взгляд, уставившись на стертый кончик палки у своих ног, будто ответ был спрятан именно там. Молчание затягивалось, густое и тяжелое, как смола. Лев не

подгонял, только ждал, и в этой его терпеливой, неподвижной позе была не служебная холодность, а человеческое терпение.

Когда подросток наконец заговорил, голос сорвался на хрип, и ему пришлось прочистить горло, чтобы говорить членораздельно.

– Я спрашиваю, потому что пропала одна девушка. Ведь по телику только и говорят про маньяка, который в нашем районе похищает женщин. Она точно пропала, я уверен. Но не могу пойти в полицию... Не знаю, как ее зовут, и вообще с ней незнаком, поэтому и спросил у вас, как начать ее поиски, если, ну, я ей... никто.

– А ее родственники или близкие знают об исчезновении? Они обращались в полицию?

Егор замотал головой:

– Она одна живет. Никто не знает, что она пропала. Только я один.

Лев задумался. Интересная ситуация – отказывать парню под предлогом, что у него просто разыгралась фантазия и гормоны, неправильно. Мальчишка переживает, бродит по ночам с биноклем. Надо как-то осторожно выяснить фактическую ситуацию, может, исчезновения никакого и нет. У девушки своя личная жизнь, а подросток просто горячо и отчаянно влюблен, вот и чудятся ему опасности рядом с объектом страсти.

– Знаешь, заявить о пропаже незнакомого человека действительно сложно. Надо быть уверенным в этом факте. Я постараюсь это сделать. Но обещать не могу, что в отделении обязательно примут заявление. Нужны конкретные факты. – Лев заметил, как насутился паренек, и поспешил его успокоить: – Давай так. Расскажи мне все по порядку о ней и о том, как ты понял, что девушка исчезла. А я подумаю, как можно действовать в такой ситуации.

– Вы знаете район новостроек? Там, где новая поликлиника и где дорогу сейчас строят?

Лев попытался напрячь память. Действительно, когда полгода назад они приехали сюда смотреть квартиру, то риелтор рассказывала им, что в пяти километрах есть лесополоса. Говорила о том, что район активно застраивается, и ругала строителей, которые пообещали пустить новую дорогу в конце района, используя для этого огромный пустырь и небольшой лесок, но все переносят строительство развязки.

А сосед тем временем продолжал:

– Если идти от нас к новостройкам в поликлинику, то надо проходить через переулки. Цветочный и Фруктовый, там раньше была окраина, сразу лес начинался. А сейчас остались деревянные дома. Можно добраться туда на автобусе, но утром ужасные пробки, и автобусы переполненные. Можно срезать через частный сектор. Там всего домов двадцать. Раньше это была автобаза, дедушка рассказывал, и работники селились рядом...

Видно было, что парню рассказ давался тяжело, он то и дело останавливался, стесняясь собственного волнения:

– Я хожу не по дороге, а срезаю через частный сектор. Там машины почти не ездят, а на новой дороге много светофоров, мне на костылях не успеть. В общем... – Уши Егора стали багровыми, а щеки заалели. – Девушка в одном из этих домов живет, и я всегда вижу ее. Она дрова носит или в огороде работает. Я не знаю, как ее зовут. Просто шел мимо месяц назад, и мы встретились взглядами. Она... Она... Мне улыбнулась.... И на следующий день тоже я ее увидел. Она утром всегда убирается во дворе. Мне даже стало казаться, что она специально выходит утром в это время во двор, ну, чтобы увидаться со мной. Она всегда улыбалась мне, и мы стали с ней здороваться. Она первая сказала «привет». Я хотел спросить, как ее зовут, познакомиться, может быть, пригласить куда-нибудь, но постеснялся, я же на костылях. А вчера ее не было, когда я шел в поликлинику... И когда возвращался обратно – тоже. Я ждал почти два часа, что она выйдет. Думал, может, заболела и проспала. Она ведь ни разу не пропустила ни дня, всегда ее видел. Понимаете? Поэтому я так долго не возвращался, напугал деда. Но я не мог уйти просто так, и она не могла взять и исчезнуть.

Вчера вечером я снова ходил к ее дому, когда дед уснул, и взял с собой бинокль. Не подумайте, не подсматривать, нет! Просто убедиться, что у нее все в порядке. Только там никого не было. Это точно, я больше пяти часов наблюдал. В доме не было света, никто не ходил, дверь закрыта и ворота тоже. Она пропала!

– Сегодня ты был там? – уточнил Лев. – Вдруг она уезжала куда-нибудь, или, не знаю, дела какие-то. Да мало ли...

– Был, – кивнул мальчишка, – к шести пошел, стоял там два часа. Но никто так и не вышел. Я стоял и думал про маньяка: вдруг он залез к ней в дом или подкараулил ее. Мне кажется, что эта девушка совсем одна. Я ни разу не видел никого другого во дворе или в доме. Что, если он тоже это понял?

Гуров вдруг завел двигатель:

– Давай-ка сейчас туда доедем. Я зайду под каким-нибудь предлогом и проверю, кто в доме. Если никого не будет, спрошу у соседей. Наверняка ее кто-нибудь знает. Не переживай, тебя не выдам.

– Надо было не молчать, – вздохнул Егор, глядя в окно. – Я решил найти ее сам. Слабак! Трус! Надо было раньше познакомиться, узнать хотя бы, как ее зовут. А сейчас по-дурацки вышло. Даже если приду в полицию, мне кажется, все только посмеются надо мной. Пришел какой-то... дурачок, не знает ни имени, ничего, ищет непонятно кого. – Он повернулся к Гурову, длинные пальцы сжались в кулаки. – Вы тоже так думаете, да? Скажите честно!

Лев на секунду растерялся. Как же тяжело с подростками! Сказать напрямую, что часто такие истории заканчиваются банально – девушка загуляла с подругами или живет наездами у своего парня, – значит задеть мальчишку за живое. Тогда точно что-нибудь этакое придумает. Но обещать, что полиция кинется на поиски неизвестно кого, тоже будет обманом.

А Егор тем временем продолжал вываливать свои переживания:

– Вдруг на нее напал маньяк? Ведь его жертв даже найти не могут. В районе девчонки боятся по улицам ходить! Я по телевизору каждый день в новостях слышу. Что мне делать, как разыскать ее, Лев Иванович? За месяц она ни дня не пропустила, каждый день встречала меня у ворот и здоровалась. А сейчас ее нет второй день! Она в беде, я уверен!

Опер был серьезен, как никогда. Надо выяснить, куда пропала таинственная незнакомка. Пускай причина окажется банальной, но лучше так, чем страх и неизвестность.

В конце концов, Егор ведь так же переживает за девушку, которая была ему дорога. Так же как и Гуров, готов был сделать все, чтобы уберечь Марию от опасности...

– Сейчас соберем информацию о ней, – сказал Лев, – и уже от этого будем отталкиваться в своих действиях. Одно тебе могу пообещать: если ничего не узнаем о твоей знакомой, то заявление у тебя обязательно примут.

– Спасибо. – У Егора задрожали губы, и он отвернулся к окну, закусив губу.

Мимо уже пронеслись последние дома района; башни новостроек и строительные краны в небе были совсем рядом. Улица развернулась вширь и слилась с оживленной трассой, где в такой час были заполнены все полосы из автомобилей и набитых до отказа автобусов.

Но Лев вывернул руль и нырнул в съезд между коротенькими пятиэтажками, объехал пятачок из старой застройки и возле крайнего дома во дворе свернул на узкую гравийную дорогу. Вдоль короткого тупика, который упирался в петлю из трамвайных путей, в четыре ряда стояли небольшие деревянные дома. Немного – пять домов в два ряда. Какие-то выглядели заброшенными: пара построек просела; крыши их зияли щелями и дырами; слой грязи и густые, жухлые заросли указывали на то, что здесь давно никто не живет. Несколько домов выглядели вполне обитаемыми – чистые дворики за невысокими заборами, аккуратные палисадники, покрашенные стены домов.

Лев припарковал автомобиль, и Егор указал на крайний дом:

– Вон тот, голубого цвета, с верандой. Видите, забор совсем невысокий, весь двор видно. Она всегда там была в это время, когда я шел в поликлинику и когда возвращался назад.

– Жди меня в машине, – приказал Лев пареньку. Сам же вышел и пошел вдоль улочки, рассматривая на ходу дома. Здесь было непривычно тихо, по-деревенски уютно. Улица дышала сонным спокойствием, таким необычным, когда совсем рядом, через полкилометра, гудели тысячами голосов огромные многоэтажки среди асфальта, широкая дорога ревела тысячами двигателей. И название этого тихого, милого места было под стать – переулок Цветочный.

Лев дошел до дома, на который указал ему Егор. Проверил калитку – она была заперта на обычный засов. Толкни металлический штырек и заходи. Через невысокие штaketины были видны чисто выметенная дорожка, приготовленная к зимовке теплица с металлическими полукружьями, уходящими в деревянную опалубку; ровные ряды пустых грядок; аккуратный палисадник. Признаки жизни налицо, но самой жизни – ни души.

Лев просунул руку и, отодвинув засов, шагнул во внутренний периметр:

– Хозяева, здравствуйте. Есть кто дома? Я по делу! Из полиции! Отзовитесь!

Но дом молчал.

Он обошел участок по краю, подергал запертую дверь сарая, заглянул за шторку летнего душа – никого. Настойчиво постучал во входную дверь – ни звука в ответ.

У калитки Лев нашел кнопку звонка и нажал несколько раз, прежде чем уйти. Где-то внутри, в глубине дома, прозвенел унылый, одинокий звук, но ответа не последовало. Тогда он двинулся дальше, к соседнему дому. Так же долго стучал и звал, вглядываясь в темные окна, и снова никакого ответа. В третьем доме можно было даже не пытаться достучаться до хозяев. Ставни были плотно закрыты и заколочены на большие, ржавые гвозди. Висела пустая цепь рядом со сгнившей будкой. Он шел дальше по улице, вглядываясь в пустые дворы, дома, где жизнь, кажется, застыла навсегда. И уютный переулок все больше напоминал ему кладбище.

Третий, четвертый дом... Он шагал от двора к двору – стучал, кричал, но переулок оказался глухим и безлюдным. Каждый дворик выглядел словно заброшенная крепость – стена из деревьев, безмолвные дома, ни собак, ни кошек. Казалось, сама улица вымерла, отвернулась, не желая говорить. Куда делись все люди?

Лев вернулся к машине, где изнывал от ожидания юный влюбленный.

– Ну, как она там? – спросил он.

Лев отрицательно покачал головой, и Егор сник, хотя все же не потерял еще надежду:

– А что-нибудь еще узнали про нее? Как ее зовут или... я не знаю. Соседи что говорят?

– Никого нет в соседних домах, даже собак. Это очень странно. – Лев оглядывался по сторонам в поисках хоть каких-то признаков жизни. – Может быть, конечно, все на работе и в школе. Но... это странное совпадение. Неужели ни одного пенсионера здесь не живет или женщины с детьми. Сейчас пройду по второму переулку, по Фруктовому. Надеюсь, там найдется хоть какой-нибудь след.

Но и соседний тупичок оказался таким же безлюдным. Только возле последнего дома Гурову удалось найти одну живую душу. Едва он толкнул калитку, как у ноги кто-то зашелся хриплым стоном, и он почувствовал боль в районе щиколотки – не сильную, больше похожую на щипок. Лев инстинктивно шагнул назад, и черный комок покатился в сторону с рыком. Оказалось, что на него напала небольшая, кудлатая собачонка. Правда, она так обросла черным мехом, что невозможно было разглядеть мордочку, одни угольки-глазки блестели через свалявшуюся шерсть. Собачонка вдруг растянулась на земле и тихо заскулила. Она дрожала всем телом, и даже через клочки шерсти были видны выпирающие ребра.

Лев разглядел, что в миске нет воды, а собачья будка превратилась в кучу сгнивших досок. «Охранница» с трудом пыталась шевелить лапами, израсходовав последние силы на защиту своей территории. Однако горло по-прежнему выдавало едва слышный рык.

– Хозяева, эй! Есть кто-нибудь? – громко позвал Гуров.

Но дом молчал, как и все остальные в переулке. Он наклонился и взял измученное животное на руки. Собачонка снова зарычала, но этот рык больше был похож на стон или хрип. Худое донельзя тельце уместилось в мужских ладонях, и Лев зашагал обратно к машине, по пути разглядывая темные окна и пустые дворики за заборами.

В машине он скинул куртку и уложил собаку на заднее сиденье.

Егор с удивлением наблюдал за его действиями:

– Что случилось?

– Посмотри по картам, где тут ближайшая ветклиника. Кажется, где-то во дворах в соседнем квартале есть. Мы, когда ехали сюда, проезжали такую вывеску, прямо в доме ветклиника расположена. Собака очень истощена, она охраняла дом. Вот только хозяев, кажется, нигде нет, раз никто ее не кормит и не наливает воды в миску.

– Ладно. – Егор уткнулся в карту. – Но я не понимаю, что это значит? Дома заброшены? А та девушка, она ведь жила здесь. Я уверен, я ведь не придумал ее!

– Верю, – кивнул Лев, – к тому же и ее участок единственный выглядит ухоженным. Думаю, после ветеринарки придется прокатиться в администрацию района, а потом поедem в отделение полиции. Будем выяснять, что это за заброшенное место, а ты напишешь заявление.

Мальчишка закусил губу, слезы выступили у него на глазах.

– Значит, все-таки она пропала? Вы ведь полицейский, вы знаете, когда нужно беспокоиться.

Гуров постарался ответить мягко:

– Ничего не удалось узнать. Кроме того, что есть признаки жизни. Дом ухожен, как и участок, значит, она там действительно живет. Это уже хорошо, у нас есть с чего начинать поиски.

Егор вдруг повернулся к нему, по лицу текли уже ручейки из слез.

– Она пропала! Понимаете? Обычный человек никогда не пропадает. Я вот ведь хожу по одному маршруту, дедушка всегда знает, где я. Вчера всего лишь на пару часов задержался, а он уже собрался в полицию. Никто не исчезает на два дня. Она обычный человек, она нормальная, хорошая. И если пропала, значит, с ней беда! Беда! Уже вторые сутки. Как, как мы будем ее искать? Соседей нет, родни тоже, даже имени ее не знаю. У меня и фоток ее нет. А вдруг это маньяк ее похитил?.. Ведь никто не знает, что делать. Полиция давно ищет, кто убил тех женщин на озере, и не может найти ничего. Каждый день по телевизору в новостях говорят, сколько человек пропало. Я боюсь, боюсь за нее! И ничего не могу сделать!

Лев хотел было что-то ответить, но... промолчал. Чем можно утешить человека, у которого такое горе? Ничем, только искать, искать, искать без остановки, верить и надеяться, что это поможет.

Глава 2

Машина объехала район по окраине и оказалась в одном из дворов у скромной вывески «Ветлекарь». Клиника располагалась прямо в жилом доме на первом этаже. Лев аккуратно взял на руки собаку, которая уже не рычала и не сопротивлялась, а лишь тяжело дышала, и кинулся к двери.

Внутри его встретил невысокий, худощавый мужчина в застиранном до серости халате. Он буркнул, не поднимая головы от бумаг на столе:

– Здравствуйте, вы по записи?

Лев отогнул полу куртки, показал несчастное животное:

– Нашел в одном из дворов в частном секторе. Вы сможете помочь? Я все оплачу, не волнуйтесь, но ей срочно нужна помощь. Не знаю, как это называется у собак, может, капельница?

Ветеринар поднял голову, узкие губы под седой полоской усов были поджаты в недовольной гримасе. Но при виде измученного тельца он охнул.

– Вы где ее нашли? – Доктор распахнул дверь и протянул руки. – Давайте ее сюда, сейчас все сделаю. Это же Жужа!

Он уложил собаку прямо на стул в коридоре. Его руки, испещренные старческими пятнами, двигались с удивительной ловкостью и точностью. Пока Гуров рассказывал про тупичок и пустой дом, ветеринар действовал. Пальцы уже нащупали едва уловимый пульс на внутренней стороне бедра. Одной рукой он фиксировал слабую голову, а другой на ощупь нашарил в шкафу коробки с препаратами. Пока Лев объяснял, как «охранница» пыталась отогнать его от дома, доктор уже обработал кусочек на холке и вогнал туда иглолку от полного лекарством шприца. Он ловко перевернул собачонку на бок и быстрым движением ввел ей в пасть тонкий зонд.

– Так, согреть. – Врач растирал лапы, тело, мордочку. – Хорошо, что к нам привезли. Ее ведь хозяйка уже полгода ищет. – В голосе ветеринара прозвучали нотки одобрения, пока игла мягко входила в кожу. – Я закончу и позвоню им. Не переживайте, платить ничего не надо. Она домашняя, хозяйка счастлива будет, что собака наконец нашлась. Пара дней на капельнице – и оживет, собака молодая, крепкая. Я ее с рождения самого наблюдаю. Хозяйка раньше жила в частном доме во Фруктовом переулке, ходила к нам со своей девочкой на прививки собаке. Очень веселая собака и умная. Хозяйка переезжала, а эта шкура потерялась во время переезда. Ее искали долго, весь район объявления обклеили... – Он улыбнулся и погладил крошечную голову. – Слава богу, нашлась. Вернулась к дому, видимо, и охраняла его, ждала хозяев.

Лев с облегчением выдохнул:

– Хорошо, что с ней все будет в порядке. Спасибо вам.

Он достал из кармана служебное удостоверение:

– Я вообще-то по работе делал обход на той территории. Скажите, там все дома нежилые, правильно я понял? Людей расселили?

Ветеринар задумался:

– Знаете, я живу тут лет десять и даже клинику открыл, потому что в этом районе много собачников раньше было, гуляли в лесу со своими питомцами.

Лев с удивлением вскинул брови. Ради собаки жить в таком месте?

Но ветеринар пожал плечами:

– Район-то хороший. У вас, наверное, нет домашних питомцев, поэтому вы не в курсе, сколько люди готовы делать для своих любимцев. Здесь же до появления новостроек был лесной массив, там можно было выгуливать крупных собак. Для городских условий это очень удобно, им нужны большие пространства для игр и бега. Здесь часто селились заводчики, специальную площадку для занятий открыли, зоошколу. Десять лет назад у меня была очередь из

клиентов. А потом район начали застраивать, и люди постепенно стали разъезжаться. Сейчас застроили весь лесной массив и двинулись к старому фонду, в том числе и к этим частным домам. Хозяйка Жужи рассказывала, что их участки выкупили под застройку и все владельцы домов переехали кто куда...

– А кто-то остался, не слышали?

– Это было бы глупо, – пожал плечами ветеринар. – Домишки уже все старые, им больше восьмидесяти лет. Построены почти все своими руками, крыши, стены, фундаменты – все за свой счет. В частном доме, между прочим, никаких тебе ремонтов от ЖЭУ. И канализация городская не подведена, воду с колонки таскали в ведрах. Так что удобств немного. Моя клиентка купила себе квартиру в хорошем районе и буквально счастлива.

Лев внимательно выслушал информацию и оставил свою визитку.

– Пожалуйста, дайте мой номер владелице Жужи. Это очень важно, пропала девушка, которая живет в крайнем доме в Цветочном переулке, их соседка. Пускай она мне позвонит, любая информация важна.

– Обязательно, – кивнул ветеринар. – Думаю, она перезвонит вам. Вы даже не представляете, как она счастлива будет, что вы нашли и спасли ее собаку.

Черная мордочка вдруг ожила, потянулась к Льву, и горячий розовый язык лизнул его пальцы, словно выражая немую благодарность.

Идя к машине, Лев сказал:

– Как хорошо, что все так сложилось, ветеринар очень помог.

Он завел машину и снова направил ее к дому исчезнувшей девушки.

– Эти дома расселяют уже давно, – обратился Лев к Егору. – Так что, может быть, твоя незнакомка просто переехала, как и все остальные. Ветеринар пообещал, что свяжет меня с одной из бывших жильцов переулка Фруктового. Получается, что она соседка этой девушки. Мы сможем узнать ее имя, кто еще жил в доме. А если повезет, и куда они уехали. А на всякий случай надо бы еще сделать запрос в паспортный стол. У них должны быть сведения, кто проживал в доме, узнаем ее имя и фамилию. Это уже очень много!

– Давайте поедem в отделение полиции. Пускай они тоже ее ищут. Я хочу все-таки написать заявление, – вдруг выпалил Егор.

– Правильно мыслишь, – согласился Лев. – Надо работать по всем каналам.

В это время у него зазвонил телефон, и он кивнул пареньку:

– Посиди тихо, мне надо с начальством поговорить. Второй день на работу опаздываю, это не шутки.

И, нажав на кнопку, ответил:

– Слушаю, Гуров.

Его собеседник прогудел:

– Утро доброе, Лев Иванович. Генерал Орлов на проводе. Пораньше тебе звоню предупредить, что приготовил для тебя работу в районном отделе. Нужна помощь товарищам, так сказать, по оружию. Ты же теперь в Октябрьском районе живешь, верно? Помню, недавно новоселье было у вас с Марией.

– Так точно, товарищ генерал. – Лев хоть и был удивлен странным вопросом, но виду не подал. Сказывалась жесткая дисциплина, которую привил среди своих оперов в отделе уголовного розыска генерал Орлов: «Сначала исполняем приказ, а уже потом оспариваем его».

– Ты вот что, Лев Иванович. Сегодня не торопись в отдел, поезжай-ка в местный РОВД у тебя в районе. Вчера была городская планерка, нагоняй там получил их начальник по розыску маньяка. Результатов толковых нет, хотя ребята пашут месяц без выходных. Мы когда-то в одном кабинете сидели, как вы сейчас с Крячко. Я пообещал ему выделить опытного опера. Тебе оформим как командировку. Посмотри, что у них там собрано в материалах, проанализируй, как ты умеешь. Может, подкинешь какую умную мысль. Не хочется, понимаешь, годами

искать этого урода, пока девчата пропадают. Нужен результат, Лев Иванович. Следователя предупредим, все тебе покажет, расскажет. Договорились?

– Есть, товарищ генерал. Вас понял, – по-армейски четко отрапортовал Гуров.

А когда повесил трубку, объяснил своему пассажиру:

– Ну, все, теперь можем ехать в РОВД. Дорогу знаешь? Показать сможешь? – покосился он на Егора, который сидел на сиденье с поникшим видом. Мальчишка переживает, в его годы такое событие кажется концом света, а спокойное, рациональное отношение взрослых воспринимается как цинизм. – Только деда предупреди. Не забыл? А с остальным разберемся.

Дежурный местного отделения был совсем не рад визитерам. Он нахмурился в ответ на просьбу Льва принять и зарегистрировать заявление о пропаже девушки.

– А вы ей кто? Родня? Давно пропала? Уверены, что не загуляла? Сколько лет ей, совершеннолетняя?

Пришлось и ему демонстрировать служебное удостоверение, и только после этого дежурный пробурчал:

– Ну, идите, на первом этаже дверь посередине. Рогов у нас всеми «потеряшками» теперь занимается.

Следователь, Никита Андреевич Рогов, оказался молодым мужчиной чуть старше двадцати пяти лет. Очки в тонкой металлической оправе словно вросли в переносицу, делая его узкое лицо еще более вытянутым и отстраненным. За стеклами притаился задумчивый взгляд. Он без споров принял заявление, расспросил Егора, а потом положил его заявление в пачку таких же на столе.

– Хорошо, этим займется наш сотрудник, который отрабатывает все сигналы о пропавших женщинах в нашем районе. Но боюсь, что без личных данных и фотографии поиск вести будет очень трудно. Необходимо для начала установить личность, получить хоть какие-то сведения об образе жизни. Где работала или училась, с кем дружила.

Егор беспомощно оглянулся на Гурова:

– Лев Иванович, вы же обещали, что через адресный стол можно узнать ее имя. И у соседей...

Лев посмотрел на мальчика, потом на следователя. Рогов взмахнул узкими ладонями, его руки с длинными пальцами, казалось, были созданы для клавиатуры, а не для того, чтобы сжимать рукоятку оружия или ворошить мусор на месте преступления.

– Конечно, я сделаю запросы для установления личности. Сделаю все, что возможно. Никто не хочет, чтобы в нашем районе и дальше пропадали молодые женщины и девушки. И я тоже этого не хочу. Но поймите, прежде всего надо искать преступника. Отрабатывать информацию по пропавшим, когда есть серия убийств, а значит, орудует маньяк, – это как лечить симптомы болезни вместо того, чтобы устранить причину. Прежде всего надо найти убийцу! Тогда пропажи прекратятся.

Егор продолжал вопросительно смотреть на Гурова. Он ведь обещал, что девушку будут искать, а этот мужчина в очках говорит, что есть дела важнее.

Лев кивнул парню:

– Можешь подождать в машине? Через час отвезу тебя домой.

Но Егор упрямо мотнул головой:

– Не надо, я не пойду домой. Дедушке сказал, что буду у друга заниматься перед контрольной. Я пойду искать ее дальше. Вернусь к ее дому и буду ждать.

Лев не стал останавливать Егора, пускай действует – вполне взрослый поступок. Он бы на его месте тоже сделал все, что можно, для розыска девушки.

Егор вышел из кабинета, подняв плечи и сжав челюсти. Наверняка представлял себе по-другому работу полиции. И снова по-детски надеялся на чудо, что вот сейчас ему мгновенно

помогут и незнакомка будет быстро найдена и спасена. А он – рыцарь, который организовал ее спасение.

Если бы все было так просто во взрослой жизни, про себя вздохнул Гуров.

Когда дверь за подростком закрылась, на гладкое лицо Никиты Рогова легли складки. Он покачал головой:

– Это самое тяжелое в нашей профессии. Горе родственников, слезы близких – просто невыносимо. Я сразу чувствую себя ужасно бессильным и бесполезным.

– Понимаю, – поддержал его Лев и перешел к делу: – Меня прислали на помощь, рад буду поддержать коллег. О деле наслышан, но все сведения из новостей, а я как опер таким источникам не доверяю.

Следователь в волнении переложил документы. О Гурове, несмотря на небольшой опыт и скромную должность сотрудника рядового отделения полиции, он уже слышал в кулуарах следственного отдела. Знаменитый сыщик, который не раз раскрывал сложнейшие дела, когда с ними не справлялись большие и опытные оперативно-следственные группы. И сейчас он нервничал: вдруг этот крутой профессионал поднимет его на смех или потребует отстранить от следствия за некомпетентность. Да мало ли что придет в голову полковнику, оперуполномоченному по особо тяжким делам. Из-за стресса он никак не мог начать говорить, все перебирал бумаги: что понадобится чужому оперу, какая информация? Может, лучше позвонить в отдел оперов, прикрепленных к следственной группе? Они, наверное, скорее найдут общий язык с этим хмурым и сдержанным мужчиной. А он занимается совсем другим, больше бумажной работой, допросами свидетелей, аналитикой собранных фактов, а не «полевым» розыском.

Чужак мало говорил, но слушал каждое слово внимательно, сдвигая брови и будто сканируя собеседника цепким взглядом. И Никита терялся все сильнее и сильнее. Мысли превратились в спутанный клубок: с чего начать? Доложить результаты? Так он знает, что топчемся на месте, раз его прислали в помощь. Может, просто отдать ему дела, пускай сам смотрит и разбирается? Но это выглядит по-детски – сунуть ему пачку дел и ничего не рассказать.

Полковник Гуров сам прервал молчание:

– Расскажите, какие версии отрабатываете? Я правильно понимаю, что основное предположение – в районе орудует маньяк? То есть установлено, что преступления схожи по своим признакам?

Никита Андреевич поправил на переносице очки и ответил:

– Оперативные работники в основном занимаются сбором информации по пропавшим девушкам и женщинам из нашего района. А я, – он открыл свои записи, – сосредоточился на создании психологического портрета неизвестного. Если отбросить второстепенное, то мы имеем дело с серийным паттерном, который проявляется не в способе похищения – он нам неизвестен, – а в выборе жертв. Проанализировав всех пропавших, я выявил общий знаменатель. Все они женщины от восемнадцати до сорока пяти лет, профессии самые разные. Есть и учителя, и домохозяйки, и продавцы. Пока более конкретных деталей и совпадений обнаружить не удалось. Так что преступления имеют сходство по двум признакам – район, где исчезают женщины, и возраст. Следующим шагом планирую анализ маршрутов и составление вероятного графика передвижений этих женщин, исходя из мест работы и проживания жертв. Это позволит спрогнозировать зону действия преступника и, возможно, место следующего преступления.

Он умолк, смотря на полковника поверх очков, и вид у него был как у отличника, который только что выпалил зазубренный стих перед учителем и ждет теперь пятерки.

Лев молча выслушал его, глядя куда-то мимо следователя, в стену, заваленную папками, потом кивнул:

– Понимаю, звучит все очень логично. Портрет преступника – дело нужное, но все-таки... – Он помолчал, выбирая слова. – Район большой, возрастной разброс – от восемнадцати до сорока пяти, профессии разные. Это не сужает круг, это его размывает.

Гуров понимал, что коллеги проделали большую работу и выполнили ее старательно. Но просто взять уже собранные факты и анализировать их, складывая в какую-то общую картину, не мог. Он и раньше время от времени помогал в чужих расследованиях и из опыта знал: иногда даже самые опытные и старательные сотрудники топчутся на месте в расследовании, потому что не обратили внимания на мелкие детали или не сочли их важными. Поэтому, чтобы не работать с искаженной картинкой из чужого представления о том, как выглядело преступление и как ведет себя преступник, он лично начинал изучать дела с самого начала, с первой страницы. Пускай даже его ждало чтение нескольких томов из протоколов.

Вот и сейчас он остановил коллегу:

– Вот что, давайте с самого начала. Насколько я знаю, два месяца назад, в конце лета, были обнаружены тела трех женщин. А остальные жертвы не найдены? То есть их смерть под вопросом?

– Ну да, три жертвы есть. Их нашли в нашем районе, рядом с новостройками, у озера. Между собой они не связаны, это проверено оперативными работниками. Две – жительницы района, одна – нет. И возраст разный, 18, 26 и 37. Цвет волос, тип лица разный. Общее место, где были найдены трупы, ну и то, что преступник расчленил их. Признаки криминальной смерти эксперты подтвердили, тела пытались изуродовать. Скорее всего, чтобы затруднить опознание или из каких-то садистских наклонностей. Но преступнику это не удалось, всех опознали.

Рогов со вздохом подвинул к Гурову внушительную пачку из картонных обложек, в которые были оформлены отдельные уголовные дела:

– Еще двенадцать дел у меня в производстве, женщины, которые пропали на нашей территории. Официально в одно дело не объединили, но занимаюсь их поисками я.

– Кто из них? – Лев разбирал пачку протоколов и заявлений с прикрепленными фотографиями.

Рогов подвинул ему пухлую сцепку из протоколов:

– Этих трех объединили уже в одно дело. Вот про них и пишут СМИ: жертвы маньяка и все такое. Остальных тоже записали в жертвы, журналисты откуда-то получили информацию о количестве пропавших. Всех, кто за последний год пропал в нашей местности. Ну, начальник отдела считает, что надо отрабатывать каждую исчезнувшую женщину из этой версии. Поэтому работает в двух направлениях – расследование убийства и профилактика возможных.

Лев внимательно рассматривал следователя. Парень, видно, умный, вон как обстоятельно подошел к делу. Вот только слишком исполнительный, а начальство иногда тоже может ошибаться...

Он прошелся по корешку толстого уголовного дела и спросил:

– А еще какие-то версии отрабатывали кроме серийника? От бывших мужей до случайных уличных грабителей. Конечно, журналисты любят такие громкие дела и рисуют всегда преступника умелым и невероятно хитрым. Но, знаете, Никита Андреевич, даже маньяк или рецидивист редко бывает настолько умен, как нам кажется. На его стороне может быть везение. Однако чем больше преступлений он совершил, тем больше следов оставил, тем больше у него ошибок. Значит, тем больше зацепок для нас. На начальной стадии лучше рассматривать разные версии. – Лев не собирался отказываться от своего мнения. – Понимаю, начальство требует, журналисты и общество давят. Хочется как можно быстрее расправиться с этой угрозой, но важно не пойти все-таки по ложному пути. Поиски маньяка тем и сложны, что нам трудно понять его логику. Помните все эти знаменитые дела? Ведь десятилетиями искали, бросив лучшие силы, и арестовывали невиновных. Потому что улики мало, мотивы неясные,

трудно прогнозировать поведение зверя, будучи человеком. Поэтому предлагаю: вы продолжайте работать по вашей основной версии – расследование обстоятельств гибели женщин у озера, – а я разберусь, как и куда могли пропасть остальные. Если никаких следов, будем включать их в отработку с «серийником», чтобы не распыляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.